

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**ЕВРОАЗИАТСКИЙ МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ
ДИАЛОГ: «СВОЕ» И «ЧУЖОЕ»
В НАЦИОНАЛЬНОМ САМОСОЗНАНИИ
КУЛЬТУРЫ**

Под редакцией д-ра филол. наук О.Б. Лебедевой

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

2007

ДИХОТОМИЯ СИБИРСКОГО ТЕКСТА

Сибирский текст – понятие безусловно хронотопическое. Его пространственная характеристика имеет огромный семиотический потенциал, формирующийся во времени, в процессе постижения истории Сибири как характерной семиосферы. Осмысление пространственных границ Сибири, ее природы и топологических моделей органично входило в тот комплекс идей, которые можно определить как региональное самосознание.

И в этом смысле сибирский текст – понятие историсофское и историко-культурное, ибо в процессе его описания и постижения сибирская, и шире – русская, мысль пыталась осмыслить этот феномен на пересечении мифа и реальности, изнутри и извне, как определенную дихотомию. Сибирский текст в этом процессе обретал энергию самоидентификации и самосознания.

Когда заходит речь о «сибирской литературе (культуре)» или «литературе (культуре) Сибири», исследователи традиционно не могут договориться об объеме понятия. Одни считают, что это литература, родившаяся в недрах Сибири и созданная «природными сибиряками». Другие утверждают, что такой узкорегиональный, краеведческий подход сужает смысл понятия, превращает сибирскую литературу в понятие местной культуры. Рассмотрение сибирской литературы как органической части общероссийской культуры, по их мнению, невозможно без учета сибирской темы, сибирских мотивов в творчестве русских классиков, без обращения к наследию ссыльных декабристов и народников. И как обычно это происходит в русском общественном сознании, две точки зрения непримиримы и антагонистичны.

Между тем понятие сибирского текста как историсофской и культурологической дихотомии позволяет говорить о том, что в диахроническом срезе два этих подхода (извне и изнутри) были неразделимы и взаимодополняемы. А сам объем понятия «литература», и шире – «культура Сибири», базировался на этой тесной взаимосвязи. При игнорировании одного из аспектов «сибирский текст» лишался именно объемности и масштаба, то растворяясь в огромном пространстве общерусской культуры, то сужаясь до понятия «местной литературы» и объекта краеведческого изучения. Превалирование того или иного взгляда на историко-культурный феномен литературы Сибири определяло даже исследовательскую тональность. Сибирь воспринималась то как гибельное место каторги и ссылки, то как земной рай, некая новая Атлантида, утопическое Беловодье. И это было объяснимо: любая односторонность в

подходе к тому или иному явлению чревата пристрастностью и отсутствием диалектики.

Актуальное состояние сибиреведения формирует новые методологические подходы к такому любопытному феномену отечественной культуры, как «сибирский текст». Не имея возможности дать историографический обзор изучения «сибирского текста» (а это был бы любопытный «текст в тексте»), не могу не заметить, что родиной такого подхода стал Иркутск. Без классических трудов М.К. Азадовского, М.П. Алексеева, В.П. Трушкина¹ сегодняшний разговор о дихотомии «сибирского текста» был бы просто невозможен. Именно в их работах определился взгляд на Сибирь извне и изнутри.

Благодаря усилиям новосибирских медиевистов (Н.Н. Покровский, Е.К. Ромодановская, Е.И. Дергачева-Скоп и их ученики) значительно расширилось и обогатилось представление о сибирском летописании. Повесть «О Сибири», созданная на исходе XVI в., Строгановская и Есиповская летописи, «История Сибирская» С.У. Ремезова, появившаяся в XVII – начале XVIII в., – все эти образцы одного типа летописания – «синкретического по своей природе, литературного по факту своего происхождения и исторического по теме повествования»². И главное, летописно-историческая литература Сибири обозначила функционирование «сибирского текста» в большом контексте общерусской культуры, органичное вхождение истории о завоевании Сибири, так называемого «ермакова сюжета» в контекст русской культуры³.

«Ермаков сюжет» в этом отношении оказался репрезентативным для осмысления взаимодействия сибирского летописания, фольклорных источников, русской историографии и историко-литературного процесса. Путь от официального повествования о походе Ермака в Сибирь, связанного с книжным типом культуры, к «устным летописям» как образцам фольклорной интерпретации событий, вхождение этого сюжета через летописные источники в «Историю государства Российского» Н.М. Карамзина и его литературное освоение в 1810–30-е гг. в творчестве И.И. Дмитриева, К.Ф. Рыльева, П.П. Ершова и даже пушкинский

¹ См.: *Азадовский М.К.* Очерки литературы и культуры Сибири. Иркутск, 1946; *Алексеев М.П.* Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей: Введение, тексты и комментарий. 2-е изд. Иркутск, 1941; *Трушкин В.П.* Пути и судьбы. 2-е изд. Иркутск, 1985.

² *Дергачева-Скоп Е.И.* Сибирское летописание в общерусском литературном контексте XVI – середины XVII в. Екатеринбург, 2000. С. 35.

³ См.: *Янушкевич А.С.* «Ермаков сюжет» в русской литературе 1820-1830-х годов // Мотивы и сюжеты русской литературы. Томск, 1997. С. 40-48; *Анисимов К.В.* Типологические и функциональные аспекты сюжета о Ермаке // Анисимов К.В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX века: Особенности становления и развития региональной литературной традиции. Томск, 2005. С. 58-96.

замысел поэмы о Ермаке⁴ – все это этапы и звенья одного и того же процесса. «Сибирский текст» осознает себя как данность, идентифицируется во фронтирной ситуации на сломе эпох, историософских концепций и литературных направлений.

В том, что дума Рылеева «Смерть Ермака» войдет впоследствии в русскую культуру уже на правах народной песни, и в том, что карамзинское описание похода Ермака станет точкой отсчета для национальной историографии, заслуга принадлежит первоисточнику – сибирскому летописанию. Но и сибирское летописание конца XVI – середины XVIII в. во всех своих модификациях получило статус литературного памятника именно в результате его освоения и усвоения общерусской культурой.

Диакрония сибирского текста – это прежде всего процесс взаимодействия местного, сибирского материала и общероссийского его постижения в большом контексте времени. «Литература сибирская есть участок общерусской литературы, отображающий на краевом (местном, областном) материале ее общий путь развития»⁵ – это методологическое положение М.К. Азадовского, сформулированное более 70 лет тому назад, наверное, требует сегодня уточнений и дополнений, но по сути своей верно определяет суть проблемы. В литературе Сибири были свои мотивы, сюжеты, темы, но их эстетическое осмысление и поэтическое выражение тесно и неразрывно связано с общерусским историко-литературным процессом. Именно это взаимодействие местного (сибирского) и общерусского – ключ к пониманию своеобразия и проблематики, и поэтики литературы Сибири, дихотомии сибирского текста русской культуры.

Показательным в этом отношении становится вхождение «сибирского текста» в журналистику, потому что именно его печатное существование – факт публичного бытия и источник рефлексии, связанной с региональным самосознанием. Можно выделить несколько этапов такого существования – бытия «сибирского текста» в журналистике 1790–1830-х гг. Первый этап – тобольские издания «Иртыш, превращающийся в Иппокрену» (1789–1791), «Библиотека ученая, экономическая, нравоучительная, историческая и увеселительная в пользу и удовольствие всякого звания читателя» (1793–1794), «Исторический журнал» (1790). Второй – казанская периодическая печать: «Казанский вестник» (1820–1832), Прибавления к «Казанскому вестнику» (1821–1834), «Заволжский муравей» (1832–1834) и петербургские журналы Г.И. Спасского «Сибирский вестник» (1818–1824) и «Азиатский вестник» (1825–1827). На-

⁴ Подробнее см: *Альбиуллер М.* Между двух царей: Пушкин, 1824-1836. СПб., 2003. С. 117-144.

⁵ *Азадовский М.К.* Литература сибирская (дореволюционный период) // Сибирская советская энциклопедия. М., 1932. Т. 3. Стб. 163.

конец, третий (скорее, не хронологически, а по значению и масштабу) – это пласт сибирских материалов в журнале Н.А. Полевого «Московский телеграф» (1825–1834).

И хронология этих изданий, и их география показательны. На протяжении достаточно длительного периода (почти полвека) происходит своеобразная презентация «сибирского текста» в отечественной журналистике. Разумеется, есть основания говорить о «тонком слое» сибирских материалов в тобольских изданиях, и даже ироническое замечание П.А. Словцова о «превращении Иппокрены в Иртыш»⁶ не лишено оснований. Но, во-первых, это самые ранние сибирские печатные издания, а во-вторых (и это главное), своей установкой на энциклопедическое издание (типа английского «Спектейтор») они продолжали традицию просветительских журналов Новикова, ориентируясь на сибирскую читательскую аудиторию и тем самым способствуя становлению и формированию молодой сибирской интеллигенции. Именно из среды изданий П.П. Сумарокова вышли И.И. Бахтин, Н.С. Смирнов, да и деятельность П.А. Словцова во многом связана с этими журналами. Радищевско-новиковская закуска этих первых сибирских изданий не только важная составная их идеологии, но и существенный момент в становлении регионального самосознания.

Что касается казанской периодической печати, то, по верному замечанию историка просвещения в России С.В. Рождественского, в силу целого ряда обстоятельств (учреждение в Казани университета, ведомству которого были подчинены все учебные заведения Сибири, а затем и появление вскоре после того первого периодического органа печати просветительно-педагогического направления) «Казань с того времени становится для Сибири своего рода центром»⁷. И с точки зрения соотношения этих обстоятельств с ходом исторического развития («эпоха гражданской экзальтации») и литературного процесса (эпоха романтизма) казанская периодическая печать стала лабораторией освоения местного сибирского колорита. Очерки и статьи Щукина, Словцова, Калашникова, посвященные отдельным регионам Сибири (например, «Общий взгляд на Иркутскую губернию» Словцова, «Краткое описание Киренского уезда Иркутской губернии» Калашникова), вопросам политической экономии («Изображение нашей торговли с Китаем» Словцова), географии («О море Байкале» А. Лосева), истории, археологии, языку, фольклору («О песнях монгольских» А.П., «Нечто о простонародных сибирских словах» Д. Ненашевского) – все это активизировало интерес

⁶ Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. СПб., 1846. Т. 1. С. 576.

⁷ Цит. по: Манассеин В.С. Сибирь в казанской периодической печати первой половины XIX-го столетия: Библиографический указатель. Иркутск, 1927. С. 4.

к «сибирскому тексту» в его краеведческом аспекте и вводило его в общероссийское пространство на правах местного колорита, в атмосферу споров о национальности и народности. Малороссийский, кавказский, ливонский, сибирский тексты обретали статус романтической экзотики и одновременно историко-культурного дискурса. Уже в «Думах» Рылеева «героические страницы русской истории» включают и «Смерть Ермака», и «Богдана Хмельницкого», а ливонские и кавказские повести Марлинского вносят дополнения в эту героико-историческую палитру. И в этом отношении так же, как Вальтер Скотт расширил пространство английской литературы и истории за счет шотландского текста, русская культура обогащалась историей своих окраин.

Журнал Г.И. Спасского «Сибирский вестник» и последовавший за ним «Азиатский вестник» уже в своей номинации ориентировали внимание читающей публики на историю, этнографию, нравы Сибири. Можно с уверенностью говорить, что эти журналы, особенно первый, были читаемы (почти полный его комплект находится в библиотеке Пушкина), а его материалы, в частности публикация «Летописи Сибирской», становятся объектом полемики в Вольном обществе любителей российской словесности. Интерес к этой полемике Карамзина, Оленина, Каченовского, активное участие в ней Словцова свидетельствовали о пристальном интересе к сибирской теме и сибирской истории. Своим журналом Спасский сделал сибирскую тему специальной и самодостаточной, придал ей масштаб не только историко-этнографический, но и эстетический⁸.

Появление в 1825–1835 гг. целого ряда краеведческих книг о Сибири стало существенным моментом литературного развития. «Письма из Сибири» (1828) П.А. Словцова, «Поездка в Якутск» (1833) Н.С. Щукина, «Поездка к Ледовитому морю» (1833) Фр. Белявского, «Записки об Енисейской губернии» (1833) И. Пестова, «Енисейская губерния» (1835) А.П. Степанова вместе с публикациями «Сибирского вестника» вводили русского читателя в мир Сибири, в сферу собственных наблюдений, но вместе с тем определяли критерии правды, естественности, «чистоты жанра». Полемическое начало всех этих публикаций было связано с выработкой нового взгляда на Сибирь, принципов объективного повествования⁹. Они вели борьбу за истину в мелочах, за правдивое изображение Сибири.

⁸ Об этом подробнее см.: *Анисимов К.В.* Проблемы поэтики литературы Сибири... С. 124-144.

⁹ Подробнее см.: *Янушкевич А.С.* Особенности сибирской краеведческой критики 1810-1830-х гг. // Традиции и тенденции развития литературной критики Сибири: Сб. науч. ст. Новосибирск, 1989. С. 21-35.

Но я не имел в виду путешествия *живописного*, и потому записки мои кратки, местами даже сухи, но верны. Слог цветущий мог бы придать им наружного блеска, но я желал только сделать их *полезными* и записывал все как видел, строго придерживаясь простоты и ясности, чтоб сделать описания сии доступными читателям всех разрядов¹⁰ –

так формулирует свою позицию один из сибирских путешественников, Г.И. Спасский, в полемике с В.В. Дмитриевым, стоявшим у истоков «Сибирского вестника», критикует его «Картины Сибири» за слог, «слишком изысканный и отзывающийся пиитическою прозою»¹¹.

Разумеется, у этой «правды» и «пользы» были свои границы и возможности, но пафос их предуведомлений, предисловий, введений формировал новое отношение к материалу, его описанию и художественной обработке. Именно об этом размышляет на страницах «Московского телеграфа» Н. Полевой, сибиряк по происхождению, пропагандируя достижения своих земляков. Уже в первой рецензии 1828 г. на «Письма из Сибири» Словцова он отмечает то, что будет ценить во всех сочинениях сибиряков:

Сибирь, столь мало и столь неверно описываемая донныне, является здесь в картине верной, снятой в природе человеком опытным, умеющим замечать и близко знающим предмет своих замечаний»¹².

Выступая в роли пропагандиста Сибири, ее культуры:

Сибирь, золотое дно для предков наших и для нас, может быть золотым дном и для наблюдательного путешественника. И там Историк, Географ, Поэт найдут для себя много работы¹³,

Полевой постоянно подчеркивает в произведениях своих земляков достоверность, документальность, видит в них источник «известий об отечестве нашем, из коих можно было бы составить порядочное описание России», призывает «дорожить и материалами, ибо они уже степень к возведению прекрасного здания»¹⁴.

Это пожелание Полевого не замедлило осуществиться. Именно краеведческие материалы, а по сути первые факты регионального самосознания, неразрывно связанные с философией национального и эстетикой романтического местного колорита, с поэтикой исторического повествования, взрыхлили почву для рождения сибирской беллетристики 1830-х гг. М.К. Азадовский, впервые осмысливший этот феномен как определенную эстетическую и поэтическую систему, привел впечат-

¹⁰ *Белявский Фр.* Поездка к Ледовитому морю. М., 1833. С. VII.

¹¹ *Сибирский вестник.* 1825. Ч. 4. С. 115.

¹² *Московский телеграф.* 1828. Ч. 21, № 12. С. 500.

¹³ Там же. 1833. Ч. 52, № 13. С. 82.

¹⁴ Там же. 1833. Ч. 53, № 18. С. 264.

ляющий перечень образцов сибирской историко-этнографической и бытовой повести¹⁵. От повести Н. Полевого «Сохатый» (1830), которую Н. Щукин назовет «знаменем литературного восстания сибиряков», через творчество сибиряков-прозаиков, прежде всего И. Калашникова, Н. Щукина, Н. Бобылева, П. Ершова, создавших в течение 1831–1841 гг. более десятка «знаковых» повестей, открывалась история романтической литературы Сибири. Знаковость этих повестей как органической части сибирского текста определялась несколькими моментами.

Во-первых, сибирский материал становится объектом художественного осмысления. В недрах этих повестей рождаются сибирские образы и сюжеты. Так, уже Н. Полевой, несмотря на тяготение сюжета «Сохатого» к традиции разбойничьей романтической повести, актуализирует тему ссылки и изгнанничества. Борьба «скромных деятелей служилой интеллигенции, или духовенства, или купечества с произволом местной, несправедливой и развратной высшей администрации и их агентами»¹⁶, по мнению М.К. Азадовского, определяет тематику сибирской беллетристики.

Во-вторых, сибиряки-прозаики пытаются осмыслить Сибирь как конкретное историческое, ландшафтное, социальное и даже геополитическое пространство. Краеведческие материалы подготовили основу для беллетристического воссоздания местного колорита. Фигура «сибирского Купера» И.Т. Калашникова, автора повестей с очевидным потенциалом исторического романа, в этом отношении репрезентативна. Сибирь осмысляется через предания, были, воспоминания, путешествия как «золотое дно» новых тем и сюжетов. В полемическом предисловии к одному из своих романов Калашников писал:

Я не выдумывал новой формы сочинений и не стыдился писать по образу бессмертного шотландца [Вальтера Скотта], но происшествя, лица, мысли, чувствования, картины – суть моя собственность и по весьма уважительным причинам мое владение ею непосредственно. Я первый написал сибирский роман. Кому я мог подражать, кроме формы?¹⁷

В-третьих, сибирская беллетристика 1830-х гг. открывала мир своих «индейцев». Жизнь камчадалов, бурятов, сибирских изгнанников и отважных «зверобоев» в этих произведениях становилась предметом рефлексии о сибирском характере, сибирских просторах, объектом любовно-авантюрного повествования об «отверженных», материалом для

¹⁵ См.: Азадовский М.К. Очерки литературы и культуры Сибири. С. 5-105.

¹⁶ Там же. С. 87.

¹⁷ *Калашников И.Т.* Изгнанники // Калашников И.Т. Дочь купца Жолобова: Романы, повесть. Иркутск, 1985. С. 444.

поисков в области синтеза документального (исторического, этнографического, краеведческого) и беллетристического нарративов.

Все это и дало основание Н.А. Мельгунову уже в 1837 г. (кстати, в тексте книги Г. Кенига «*Literarische Bilder aus Russland*», достаточно известной в Европе) говорить о наличии в русской литературе «сибирской стихии» и создании особого течения «сибирской литературы»¹⁸. По всей вероятности, это было первое по времени терминологическое обозначение феномена сибирского текста.

Нельзя не учитывать и того факта, что сибирская повесть 1830-х гг. входила в общерусское культурное пространство (ведь все эти тексты печатались в столицах) как отзвук памяти о сосланных в Сибирь декабристах. Поэтому многие ситуации, да и общий колорит повестей воспринимались аллюзионно и символически.

Для осмысления истории «сибирского текста» русской культуры и его дихотомии сама проблема «сибирская культура и декабристы» имеет принципиальное значение. Дело даже не в том, что сосланные декабристы внесли существенный вклад в культурную жизнь Сибири (хотя без этого вклада многое в сибирском тексте не проявилось бы столь очевидно) и прежде всего – в региональное самосознание. Существеннее другое – в сибирскую культуру вошел новый и особенный «поведенческий текст». По точному замечанию Ю.М. Лотмана, введшего это понятие в арсенал русской культуры, «перемещение свободы из области идей и теорий в «дыхание – в жизнь» определило «суть и значение бытового поведения декабристов»¹⁹.

Сюжетика сибирской беллетристики 1830-х гг. ориентировалась на этот тип бытового поведения. Тема человеческого достоинства и внутренней свободы «отверженных» определяет жизнь и поведение многих героев сибирской беллетристики. В этом отношении «Письма из Сибири» М.С. Лунина, несмотря на кажущееся отсутствие в них сибирского материала, – своеобразный «поведенческий текст» внутри пространства «сибирского текста». Как уже доказано исследователями, это произведение было известно в Сибири, и его дух и пафос способствовали развитию вольнолюбия, самостояния как жизненного дыхания.

Многочисленные примечания и предисловия, которыми были насыщены беллетристические тексты сибирских авторов, – это прорыв к метафизике и формированию регионального самосознания. Достаточно строгий к ранней сибирской прозе Г.Н. Потанин впоследствии писал:

¹⁸ Koenig H. *Literarische Bilder aus Russland-Stettin*, 1837. На русском языке: *Кениг Г.* Очерки русской литературы. СПб., 1862.

¹⁹ *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства: XVIII – начало XIX века. СПб., 1994. С. 384.

Эти первые сибирские повести почти лишены общественного значения и совсем лишены художественного <...>, но история развития самосознания Сибири должна упомянуть о них, как о первых приступах сибирской мысли к работе. Время с тридцатых годов до шестидесятых было периодом литературного пробуждения Сибири²⁰.

Вслед за краеведческой критикой и журналистской сибирикой прозаики 1830-х гг. в русле идей романтического историзма способствовали презентации сибирского текста в общероссийском культурном пространстве. За этим стояло открытие нового мира, огромной загадочной страны, разрушение штампов ее восприятия. Вот лишь два характерных примера.

Автор повести «Посельщик» Н. Щукин восклицает:

Зачем слово «Сибирь» произносят со страхом, зачем им страшат по-рочного шалуна, пугают опасного вольнодумца. Мы привыкли представлять себе Сибирь страной холодной, состоящей из одних степей, покрытых ледяной корою, по коим влачат кое-где несчастную жизнь ссыльные и дикари. Мы привыкли почитать Сибирь убежищем порока и преступлений, скопищем нарушителей закона и совести. Добрые мои соотечественники! Не обижайте прекрасной страны несправедливым мнением, не чуждайтесь ею, – она ваша родная, и в ней есть добрые, даже мыслящие люди. В ней говорят тем же языком, какой вы слышите на берегах Невы и Волги²¹.

В предисловии к роману «Дочь купца Жолобова» Калашников писал:

Издавая сей роман, я имел в виду познакомить читателей с краем, который, отличаясь богатством произведений и разнообразием природы и читателей, до сего времени все еще составляет страну малоизвестную, почти баснословную <...>. Необъятная Сибирь скрывает в себе множество богатства, ожидающего руки искусного художника²².

Эти предисловия были принципиальны. По точному замечанию М.К. Азадовского, «в своей совокупности они как бы намечают и формируют определенную поэтику, устанавливают формы и законы того жанра, который они именуют «сибирским романом» и «сибирской повестью»²³. Лучшие образцы этого жанра ориентировались и на языковое сознание сибиряков. Согласно наблюдениям известного историка языка П.Я. Черных, в романе «Дочь купца Жолобова» можно «насчитать более сотни областных восточносибирских слов», а сам роман является «значительным шагом вперед в развитии русско-сибирской лексикологии»²⁴.

²⁰ Сборник к 80-летию со дня рождения Григория Николаевича Потанина: Избранные статьи и биографический очерк. Томск, 1915. С. 59.

²¹ Цит. по: Азадовский М.К. Очерки литературы и культуры Сибири. С. 88.

²² Там же.

²³ Там же. С. 89.

²⁴ Черных П.Я. Русский язык в Сибири. Иркутск, 1937. С. 97, 78.

«Сибирский текст» к середине XIX в. становился полисемантическим. Он, с одной стороны, формировал оригинальную семиосферу: свою историю, пространственную модель, сюжетику, лингво-этнографическую специфику. С другой стороны, традиция большой русской литературы и модели «поведенческого текста» вполне органично корреспондировали с этой атмосферой, не позволяя ей замкнуться в себе самой и утратить масштаб национального мышления. Именно в недрах «сибирского текста» первой половины XIX в. намечалась та диалектика «своего» – взгляда изнутри и «чужого» – взгляда извне, которая определит феномен сибирского областничества и масштаб его философии.

Проблема сибирского областничества – одна из важнейших в структуре и истории «сибирского текста». Это, может быть, самый характерный репрезентатив для его понимания. Масштаб личностей Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева, А.В. Адрианова, С.С. Шашкова и А.П. Щапова, их критико-публицистическое наследие позволяют говорить о том, что именно с ними связано формирование особой философии регионального (сибирского) самосознания, становление сибирской идеи. И даже их нигилизм по отношению к деятельности предшественников, отрицание искусства в Сибири необходимы были, чтобы «страстно отстаивать мысль о том, что, если искусства нет, значит, нужно создать его!»²⁵

Областники пытались выработать оригинальную концепцию сибирского героя-патриота (ее итоговое выражение можно увидеть в статье Г.Н. Потанина 1917 г. «Интернационалисты и областники»), свою теорию эстетики и поэтики жанра (см. статью того же Потанина «Роман и рассказ в Сибири»; ср. также историю замысла совместного романа Потанина и Ядринцева «Тайжане»²⁶), и их поиски способствовали взлету сибирской журналистики и публицистики, во многом определили саму философию Сибири. «Сибирь – мать и мачеха», «Интернационалисты и областники», «Сибирь и колония» – за этими и многими другими формулами областников открывалась оригинальная историософия Сибири.

Но парадоксальность этих поисков выражалась в том, что, несмотря на стройную и продуманную систему сибирской литературы, в недрах областнической концепции она так и не возникла. Лаборатория поисков – сибирская журналистика – давала интересный материал для наблюдений о новых общественно-политических и экономических процессах в Сибири. Очерково-публицистическая стихия была преобладающей в этой лаборатории, но в определенной степени для сибирской культуры это был уже пройденный этап. Да и проза Н.И. Наумова,

²⁵ *Постнов Ю.С.* Н.М. Ядринцев – литературовед и критик // Литературное наследство Сибири. Т. 5. Новосибирск, 1980. С. 9.

²⁶ Подробнее см.: *Потанин Г.Н.* Тайжане: историко-литературные материалы / Сост., предисл. и примеч. Н.В. Серебрянникова. Томск, 1997.

И.В. Федорова-Омулевского, И.А. Кущевского и других сибирских авторов развивалась по большей части в русле народнической идеологии, способствуя выявлению ее сибирского варианта.

Подлинные открытия, связанные с развитием сибирского текста, происходили в большом пространстве русской культуры. От «Записок из Мертвого дома» Достоевского до «Острова Сахалин» Чехова и «Воскресения» Толстого – таков путь выявления и обозначения «сибирского текста» как антропологического. Через Мертвый дом как символ каторги и ссылки к Воскресению как этапу духовного преображения русская литература в лице Достоевского и Чернышевского, Короленко и Успенского, Станюковича и Лескова, Чехова и Толстого формировала сибирский текст как историю «униженных и оскорбленных» и как возрождение человека через приобщение к Сибири. «Сибирь заставляет даже в убийце увидеть человека...» – эти слова В.Г. Короленко из повести «Соколинец»²⁷ обозначали вхождение в «сибирский текст» персоналистского начала. Судьба человека и его пути в лиминальном пространстве²⁸ придают «сибирскому тексту» историософский масштаб и гуманистическое наполнение.

Таким образом, не касаясь истории сибирского текста в послереволюционную эпоху (это заслуживает специального разговора), можно констатировать его амбивалентную природу.

Русская литература, взаимодействуя с сибирской литературой, обогащалась не только новым материалом, но и расширяла свое антропологическое пространство. Ее гуманистическое содержание обретало особую пронзительность и остроту, впитывая историю каторги и ссылки, судьбу отверженных. Сибирские просторы, вольные сибирские типы, незакабаленные крестьяне и замкнутое пространство пересыльных тюрем, «мертвых домов каторги и ссылки», искалеченные судьбы – все это превращало, казалось бы, локальный «сибирский текст» в своеобразный метатекст русской словесности.

Сибирский метатекст в своей семиотической перспективе был текстом в тексте, так как свои сюжеты, мотивы вводил в проблематику общерусской культуры.

Поэтому вряд ли корректно с исторической точки зрения говорить об «отставании» сибирской литературы от общерусской. Разумеется, в недрах сибирской литературы не родились шедевры, соотносимые с открытиями Пушкина, Достоевского, Толстого, Чехова. И если появлялся «Конек-горбунок», то он как бы «выпрыгивал» за пределы сибирской

²⁷ Короленко В.Г. Собрание сочинений: В 5 т. Л., 1989. Т. 1. С. 265.

²⁸ Об этом см.: Тона В.И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. Барнаул; Кемерово; Новосибирск; Томск, 2002. № 1. С. 27-35.

литературы и становился уже частью общерусской культуры. Но не была ли и вся сибирская литература такой же органической частью единого целого русской культуры? Взгляды изнутри и извне взаимодополняли друг друга... И впоследствии это встречное движение общерусской и сибирской культур приобретет обратную направленность: художественные открытия Вампилова и Шукшина, Астафьева и Распутина распространятся в тексте общерусского литературного процесса и уже определят что-то очень существенное в его развитии...

Сибирская литература как особый текст культуры имела свою историю и судьбу. Она шла параллельно с общерусской литературой, но на пересечении образовывала те узлы, которые было трудно развязать, и те завязи, которые давали оригинальные плоды. Феномен «сибирского текста» познается не в сравнении и тем более противопоставлении двух культур, а в их взаимодействии и синтезе. Два взгляда на Сибирь (извне и изнутри) – это органическое целое феномена «сибирского текста», корреспондирующее с коренным ментальным свойством русской культуры, с ее всемирной отзывчивостью, распахивающей русскую культуру навстречу инонациональным – и с ее стремлением к самосознанию именно в этой двойной парадигме.